

Е Сяо находился на границе Царства Мёртвых и мира живых — в том пространстве, куда попадают только что умершие и где обычно скрываются свирепые призраки. Здесь реальность искажена: призраки видят мир живых, но живые не видят эту границу. Поэтому Е Сяо мог перемещаться, словно совершая прыжки в пространстве, оставаясь при этом невидимым для всех.

Вскоре он оказался внутри строго охраняемого здания медицинского отдела. Вокруг воцарилась гробовая тишина, лишь яркий свет заливал длинные пустые коридоры. По пути Е Сяо видел нескольких военных и медиков, лежащих без сознания на полу. Он часто бывал в больницах, собирая души, и хорошо знал: сюда живые попадают только тогда, когда ранены, больны или близки к смерти.

Неужели с «птичечеловеком» что-то случилось? Е Сяо ускорил шаг.

В это самое время у палаты интенсивной терапии, где лежал Лин Тяньюй, двое часовых внезапно рухнули, сражённые двумя алыми лучами. Затем в прозрачной стене палаты расплавилось круглое отверстие размером с таз. Что-то невидимое проскользнуло внутрь, искажённый силуэт мелькнул в толще стекла.

Когда это существо поползло к кровати Лин Тяньюя, из пустоты возникла бледная рука и прилепила жёлтый талисман ему на спину. Невидимка содрогнулся, будто поражённый молнией, его форма заколебалась и проявилась — это было насекомое размером с человека, похожее на сороконожку, но с конечностями паука.

Затем проявился и Е Сяо. Он с любопытством разглядывал тварь, размышляя, что в этом мире и правда много странных букашек. Может, стоит поймать птицу-оборотня, чтобы та с ними разбиралась? Кстати, а справился бы «птичечеловек» с такой задачей? Потом его взгляд перешёл на Лин Тяньюя, опутанного трубками и проводами. Е Сяо мгновенно понял его состояние: жизненная душа уже начала покидать тело.

Над кроватью разворачивалось зрелище, невидимое для простых смертных: Лин Тяньюй в кухне, оформленной в девичьем стиле, радостно готовил сладости. Но едва он заканчивал, фон сменялся мрачным домом с привидениями. Там, на троне, окружённый свирепыми призраками, сидел Е Сяо и холодно взирал на Лин Тяньюя, который, дрожа, подносил ему угощения. Затем фон вновь становился кухней, и цикл повторялся.

Е Сяо наблюдал за этим с интересом, совершенно не осознавая, что фигура на троне — это он сам. Его занимали другие вопросы: почему тот сидит так высоко? Зачем «птичечеловек» готовит ему еду? И почему это лицо кажется таким знакомым?

Понаблюдав пару циклов, Е Сяо вспомнил о цели визита. Жизненная душа, покинувшая тело, — верный признак скорой смерти. А допустить, чтобы «птичечеловек» умер, он не мог — кто же тогда будет его кормить?

Он схватил Лин Тяньюя, всё ещё занятого готовкой, и, несмотря на слабое сопротивление, вдавил его обратно в физическую оболочку. Затем достал красную нить, один конец привязал к большому пальцу Лин Тяньюя, а другой... Обычно её привязывали к мизинцу, но у насекомого мизинца не было, поэтому пришлось обмотать вокруг последней конечности.

Это была магия обмена жизнями — ритуал, при котором жизненная сила одного существа передавалась другому, а раны и болезни переходили к дарителю.

Е Сяо совершил несколько пассивных и ткнул пальцем в нить. Та дрогнула. Здоровое до этого

насекомое взвыло, его покровы лопнули, обнажив страшные раны — оно оказалось на грани смерти. В то же время раны на теле Лин Тяньюя стали стремительно затягиваться, а показатели на медицинских мониторах пришли в норму.

В этот момент завывла сирена. Палата, в которой находился Е Сяо, задрожала и стала раздвигаться, словно картонная коробка. Сотни истребителей и мехов с оглушительным рёвом окружили её со всех сторон.

— Внимание, находящийся внутри! Вы окружены! Немедленно сложите оружие и отойдите от шаоцзяна!

.....

— Внимание, находящийся внутри! Вы окружены! Немедленно сложите оружие и отойдите от шаоцзяна!

Оглушённый рёвом машин, Е Сяо с любопытством огляделся. От палаты остался лишь пол. Быть окружённым для него было делом привычным, но вот здание, которое можно разобрать, как детский конструктор, он видел впервые.

Дома в этом мире и правда необычные. Если бы его прежнее жилище можно было так же легко разобрать и унести, думал Е Сяо, ему бы не досаждали бригады сноса.

Тем временем солдаты, окружившие его, после нескольких повторённых предупреждений начали готовиться к атаке. Но в тот миг, когда ионные орудия были готовы выстрелить, раздался властный голос.

— Стойте!

На одном из летательных аппаратов, не используя трап, стоял мужчина средних лет в военном плаще.

— Генерал Лин! — раздались возгласы.

Генерал Лин проигнорировал их. Он бегло окинул взглядом труп насекомого у кровати, а затем пристально посмотрел на Е Сяо. Лично они не были знакомы, но у него были подробные отчёты от Лин Тяньюя, так что он знал, с кем имеет дело. И в отличие от сына, испытывавшего перед Е Сяо почтительный страх, генерал Лин интуитивно чувствовал, что этот юноша не столь уж страшен.

Е Сяо тоже перевёл на него взгляд — не из-за эффектного появления, а потому что тот был удивительно похож на «птичеловека».

Генерал Лин улыбнулся и бросил в его сторону шоколадку.

Плитка описала плавную дугу и зависла прямо перед лицом Е Сяо. Тот посмотрел на генерала, затем на шоколад, обнюхал его и наконец взял и принялся методично есть.

Улыбка генерала стала шире. Он жестом подозвал медиков, спрыгнул с летательного аппарата и сделал несколько шагов в сторону Е Сяо, указывая на Лин Тяньюя:

— Здравствуй. Я Лин Чжэньвэй, его отец. Рад встрече.

Е Сяо молча смотрел на него, думая про себя: «Так я и знал».

Лин Чжэньвэй не смутился. Он достал ещё одну шоколадку и мягко спросил:

— Хочешь ещё? — С этими словами он сделал ещё несколько шагов, оказавшись почти вплотную к Е Сяо.

Е Сяо без тени смущения взял угощение. Благодаря еде он уже проникся симпатией к отцу «птичеловека» и не возражал против его близости.

— Я не знаю, почему ты не говоришь, но полагаю, мы могли бы стать друзьями, — неспешно произнёс Лин Чжэньвэй, делая последний шаг и кладя руку Е Сяо на плечо.

Е Сяо доел шоколадку и протянул руку.

Лин Чжэньвэй усмехнулся, достал последнюю плитку, вручил её Е Сяо, а затем обернулся к солдатам, всё ещё стоявшим в полной боевой готовности, и дал знак отставить. В это время медик, осмотревший Лин Тяньюя, с изумлением доложил:

— Раны шаоцзяна полностью затянулись. Он просто спит.

Лин Чжэньвэй кивнул и распорядился отправить труп насекомого на анализ.

Когда все посторонние удалились, в восстановленной палате интенсивной терапии остались только Лин Чжэньвэй, Е Сяо и Лин Тяньюй, погружённый в глубокий сон.

Лин Чжэньвэй усадил Е Сяо, присел рядом сам, достал молочную ириску и, подобно дядьке, заманивающему ребёнка, улыбнулся:

— Можешь сказать, почему не разговариваешь? Если скажешь, дам и эту.

Е Сяо посмотрел на конфету. Он, конечно, мог бы просто взять её, но, учитывая доброе отношение отца «птичеловека», решил ответить вежливо. Он открыл рот, а затем покачал головой.

Лин Чжэньвэй понял всё мгновенно. Он сунул ириску Е Сяо и тут же по связи вызвал научно-исследовательский отдел, приказав срочно доставить нейроинтерфейсный вокализатор.

Это устройство использовалось для коммуникации с инопланетными цивилизациями — оно считывало мозговые волны и транслировала их в виде речи на заданном языке. Подходило оно и для глухонемых.

Увидев, что Е Сяо не может говорить, Лин Чжэньвэй испытал настоящий шок. Сила, холодность, загадочность — таковы были ключевые впечатления, которые Лин Тяньюй и он сам составили о Е Сяо. Теперь же выходило, что холодность была всего лишь следствием немоты.

А загадочность, вероятно, порождалась самой невозможностью выразить себя. Конечно, немалую роль в этом заблуждении играла и пугающая, необъяснимая мощь, исходившая от юноши.